

ОВАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ

[Почитать описание, отзывы и купить на сайте МИФа](#)

Egli è vivo e parlerebbe se non osservasse la regola del silenzio*.

Надпись на итальянской картине св. Бруно

---

* Он жив и заговорил бы, если бы не соблюдал обета молчания (ит.). Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

Лихорадка моя была сильна и упорна. Я перепробовал все средства, какие только можно было достать в дикой области Апеннин, и всё без успеха. Мой слуга и единственный помощник, с которым мы очутились в уединенном замке, был слишком нервен и неловок, чтобы пустить мне кровь, да я и без того немало потерял ее в схватке с бандитами. За помощью я его также не мог послать. Наконец я вспомнил о небольшом запасе опиума, который хранился у меня вместе с табаком: в Константинополе я привык курить табак с этим зельем. Педро подал мне ящик. Я отыскал в нем опиум. Но тут возникло затруднение: я не знал, сколько его полагается брать на один прием. При курении количество опиума не имело значения. Обычно я смешивал пополам опиум с табаком, набивал трубку и выкуривал ее, не испытывая иной раз никакого особенного действия. Случалось, что, выкурив две трети, я замечал признаки умственного расстройства, которые заставляли меня бросить трубку. Во всяком случае, действие опиума проявлялось так постепенно, что не представляло серьезной опасности. Теперь случай был совсем другой. Я никогда еще не принимал опиума *внутрь*. Мне

случалось прибегать к лаудануму и морфию, и от-носительно *этих* средств я бы не стал колебаться. Но с употреблением опиума я вовсе не был знаком. Педро знал об этом не больше моего, так что приходилось действовать наудачу. Впрочем, я не долго колебался, решившись принимать его *постепенно*. На первый раз, думал я, приму совсем мало. Если это не подействует, буду увеличивать дозу до тех пор, пока не спадет лихорадка или не явится благодетельный сон, который так был мне нужен, но уже неделю бежал от моих смятенных чувств. Без сомнения, состояние, в котором я находился, — а я был уже в преддверии бреда, — помешало мне уразуметь нелепость моего намерения устанавливать большие и малые дозы, не имея никакого масштаба для сравнения. Мне и в голову не приходило, что доза чистого опиума, которая кажется мне ничтожной, на самом деле может быть огромной. Напротив, я хорошо помню, что с полной уверенностью определил количество, необходимое для первого приема, сравнивая его с целым куском опиума, находившимся в моем распоряжении. Порция, которую я проглотил без всяких опасений, представляла очень малую часть *всего куска, находившегося в моих руках*.

Замок, в который мой слуга решился вломиться силой, лишь бы не оставить меня, раненого, под открытым небом, был одной из тех угрюмых и величавых громад, которые бог знает сколько веков хмуро высятся среди Апеннин, не только в воображении миссис Рэдклиф, но и в действительности. По-видимому,

он был покинут хозяевами очень недавно и только на время. Мы выбрали комнату поменьше и попроще в отделанной башенке. Обстановка ее была богатая, но ветхая и старинная. Стены были увешаны гобеленами, трофеями охоты и невероятным числом прекрасных современных картин в богатых золотых рамах. Эти картины, висевшие не только на гладких стенах, но и по всем закоулкам, созданным причудливой архитектурой здания, возбуждали во мне глубокое любопытство, быть может, порожденное начинающимся бредом, так что я велел Педро закрыть тяжелые ставни (ночь уже наступила), зажечь свечи в высоком канделябре, стоявшем у изголовья кровати, и отдернуть черный бархатный полог с бахромой, закрывавший постель. Я рассчитывал, что если мне не удастся уснуть, то я буду по крайней мере рассматривать картины и читать их описания в маленьком томике, который нашел на подушке.

Долго, долго читал я — и пристально, благоговейно рассматривал картины. Часы летели быстрой и чудной чредой. Наступила полночь. Положение канделябра казалось мне неудобным и, не желая будить уснувшего слугу, я, с трудом протянув руку, переставил его так, чтобы свет ярче освещал книгу.

Но эта перестановка произвела совершенно неожиданное действие. Лучи многочисленных свечей (их было действительно много) упали в нишу, которая до тех пор была окутана густою тенью от одного из столбов кровати. Я увидел ярко освещенную картину, которой не заметил раньше. То был портрет

молодой девушки в первом расцвете пробудившейся женственности. Я только взглянул на картину — и сразу закрыл глаза. Почему, я и сам не понял в первую минуту. Но, пока мои веки оставались сомкнутыми, я стал обдумывать, почему я опустил их. Это было невольное движение, с целью выиграть время для размышления, удостовериться, что зрение не обмануло меня, унять и обуздать фантазию более надежным и трезвым наблюдением. Спустя несколько мгновений я снова устремил на картину пристальный взгляд.

Теперь я не мог сомневаться, что вижу ясно и не обманываюсь, потому что первая вспышка свечей, озарившая картину, по-видимому, рассеяла сонное оцепенение, овладевшее моими чувствами, и разом вернула меня к действительности.

Как я уже сказал, то был портрет молодой девушки; голова и плечи были выполнены, если употребить технический термин, в стиле виньетки, напоминавшем головки Селли. Руки, грудь и даже концы золотистых прядей незаметно сливались с неопределенной, но глубокой тенью, составлявшею фон картины. Овальная вызолоченная рама была филигранной работы, в мавританском стиле. Живопись представляла верх совершенства. Но не образцовое исполнение, не божественная прелесть лица потрясли меня так внезапно и так могущественно. Менее всего мог я допустить, чтобы моя фантазия, пробудившаяся от полудремоты, приняла это лицо за живое. Я сразу увидел, что особенности рисунка,

стиля, рамы должны были в первое же мгновение уничтожить подобную мысль, не допустить даже мимолетного самообмана. Упорно раздумывая об этом, я провел, быть может, около часа полусидя, полулежа и не сводя глаз с портрета. Наконец, поняв, в чем секрет его воздействия, я откинулся на подушки. Я убедился, что очарование картины заключалось в совершенной *жизненности* выражения, которая в первую минуту поразила меня, а потом смутила, подавила и ужаснула. С глубоким и благоговейным страхом я поставил канделябр на прежнее место. Устранив таким образом причину моего волнения, я торопливо перелистал томик, в котором объяснялись достоинства картин и излагалась их история. Отыскав номер, под которым значился овальный портрет, я прочел следующие странные и загадочные строки:

«Она была девушка редкой красоты и столь же веселая, сколь прекрасная. В недобрый час увидела она художника, полюбила и сделалась его женой. Он — страстный, прилежный, суровый и уже нашедший невесту в своем искусстве; а она — девушка редкой красоты, столь же веселая, сколь прекрасная, вся радость и смех, резвая, как молодая лань, полная любви и ласки ко всему, ненавидевшая только свою соперницу — искусство, пугавшаяся только палитры, кистей и других досадных предметов, отнимавших у нее возлюбленного. Ужасным ударом было для новобрачной услышать, что художник желает запечатлеть на холсте свою молодую жену.

Но она была кротка и послушна и покорно сидела целые недели в высокой темной башне, где свет только сверху струился на бледный холст. Он же, художник, вложил всю свою душу в это произведение, которое подвигалось вперед с часу на час, со дня на день. Он был страстный, дикий и своенравный человек, поглощенный своими грезами; и не видел он, что свет, зловеще озарявший уединенную башню, губил здоровье и душу его молодой жены, — она таяла на глазах у всех, и только он один не замечал этого. Но она улыбалась и не хотела жаловаться, так как видела, что художник (который пользовался громкой славой) находил лихорадочное и жгучее наслаждение в своей работе и дни и ночи трудился над портретом той, которая так любила его — и все-таки теряла силы и чахла со дня на день. И правда, те, кто видел портрет, говорили вполголоса о чудесном сходстве и находили в нем доказательство не только таланта художника, но и его глубокой любви к той, которую писал он с таким изумительным совершенством. Но, когда работа уже близилась к концу, в башню перестали пускать посторонних, потому что художник предавался работе с безумным увлечением и почти не отводил глаз от полотна, не глядел даже на лицо жены. И не хотел он видеть, что краски, которые он набрасывал на полотно, сбегали с лица той, которая сидела подле него. И, когда прошло много недель и оставалось только довершить картину, тронув кистью рот и глаза, дух молодой женщины снова вспыхнул, как пламя

угасающей лампы. И вот сделан последний мазок, последний штрих положен, и на мгновение художник застыл, очарованный своим творением, — но в ту же минуту, еще не отрывая глаз от портрета, затрепетал, побледнел и ужаснулся.

— Да это сама *жизнь!* — воскликнул он и быстро обернулся, чтобы взглянуть на свою возлюбленную.

Она была мертва!»

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

